

Евгений Голубовский

«В запыленной связке старых писем...»

За полвека журналистской работы, естественно, складывается архив. Не собирал я свои публикации (о чем иногда жалею), но коллекционировал русскую поэзию, всегда с особым трепетом относился к книгам с автографами, не только подаренным мне, но и вынырнувшим из далеких уже времен. И к писательским письмам, историческим документам старался относиться бережно, откладывая их в отдельные папки.

Подумал, что пришло время познакомить с некоторыми из них читателя. Но начну не с писем ко мне, а с десятка, подаренных мне людьми, знавшими, что я собираю автографы.

Многие журналисты, да вообще одесситы, знали, любили спортивного журналиста Севу Рымалиса. Нас когда-то познакомил, сдружил мой коллега Алеша Иванов. И вот однажды, было это лет тридцать назад, Сева Рымалис мне говорит: «Если найду дома одну папку, сделаю тебе подарок». Прошел год, и звонок от Севы: «Нашел! Идем в бар «Красной» пить коньяк!».

Встретились, заказали кофе и коньяк. Сева протягивает мне папку. «Это когда-то в канун 1965 года мой отец Эммануил Рымалис задумал опубликовать в «Черноморской коммуне» пожелания знаменитых одесситов своему городу. Не все откликнулись. Но ряд писем пришел. В газете они вышли сокращенными, переведенными на украинский язык. А я дарю тебе подлинники. Если будешь публиковать, объясни, что многое тогда писалось эзоповым языком, много натяжек. Такое было время»...

«Сейчас мне 83 года, но, честное слово, я тоже был когда-то мальшом – и жил возле Старо-Портофранковской улицы – и ловил в море бычков, и гулял по Ланжерону и по Куликовому полю –

и теперь с радостью приветствую своих правнуков – одесских дошколят, и поздравляю их с Новым годом, с Новым счастьем!

*Корней Чуковский
Перedelкино»*

«Дорогие мои друзья!

Всегда счастлива встретиться с вами. Желаю вам всем творческих успехов.

*С глубоким уважением
Галина Олейниченко»*

«Здравствуйте, дорогие земляки!

Сотни городов я посетил в Советском Союзе. Многие жители этих городов знают Одессу, но многие только слышали об Одессе, а многие до сих пор спрашивают, что такое Одесса? Что ответить? Очевидно, самый короткий ответ – Черное море. Помню двадцатые годы. Мы подростки. Жили на окраинах в маленьких домиках с маленькими двориками, посередине которых водопроводная колонка. Тут же яма для мусора и яма для слива отходов.

Куда бежишь? На берег моря! На трамвай нам денег не давали. Около шести километров пешком туда и обратно, а возвращались бодрые. Вот что значит море.

Позже наше поколение пошло в армию, на заводы. На заводе работали нелегко, преобладал ручной труд.

Когда я работал на Канатном заводе, пришлось выгружать импортную машину, а эта машина паковалась почему-то в брикеты по 12 пудов, то приходилось носить ее на плечах, ни подъемников, ни кранов не было. Когда я работал на заводе «Сельхозмаш» (Гена), рамы плугов и сеялок приходилось клепать молотом в 12 фунтов, клепали по 8 часов.

Завод стоит на берегу моря. После работы окунулся в море и опять полон сил. Вот что такое море, вот что такое Одесса.

Теперь, когда одесситы переселяются во вновь выстроенные новые дома со всеми удобствами, когда на заводах всюду техника, автоматика, так завидки берут.

Вспоминается это в связи с окончанием 1964 года. И так как мне представилась возможность написать несколько строк,

то я хочу пожелать моим землякам в будущем новом году продолжать переселяться в новые дома, пожелать успехов в труде и большого личного счастья.

*Народный артист СССР
Кривченя А.Ф.».*

«Дорогая, любимая моя, мама-Одесса!
Наступает новый 1965 год.

Много твоих сынов разбросано по всему свету. Есть среди них хорошие, которые не забывают свою маму, есть и плохие, уехавшие и забывшие ее «на чужбине». Я хороший сын. Я всегда помню тебя, пою о тебе и рвусь к тебе.

Дорогая мама! Наступающий год для меня весьма значителен. 22-го марта мне исполнится семьдесят лет. Да, да, мама.

Ты, может, этого и не заметила, потому что я медленно старюсь, а ты быстро молодеешь, и день ото дня становишься прекрасней. Не подумай, ради Дюка, что я жалуясь. Я еще о-го-го, и можешь быть за меня спокойна – не подведу!

Чего же мне пожелать тебе?

Будь такая же солнечная, веселая, поющая, как всегда была и есть, и пусть дети твои, братья и сестры мои, одесситы радостно трудятся, творят и веселятся.

Привет тебе, Одесса-мама,
Мне не забыть твой чудный вид.
И море Черное упрямо
Волнами бьет о твой гранит.
Твоих садов и парков гамма,
Где юность вся моя текла,
Привет тебе, Одесса-мама,
Спасибо, что меня ты родила.

*Твой Леонид Утесов
Народный артист РСФСР»*

«Одесса – это детство и школа, и хоть совпали они с нелегкими годами жизни молодого государства, это была хорошая школа, и хорошее детство, и мы были счастливыми детьми. Мне труд-

но представить себе своих одесских друзей, сверстников моего детства в каком-либо другом качестве и облике, они для меня все те же девочки и мальчики. Вот я и адресую свои новогодние приветы и пожелания моим друзьям, одесским девочкам и мальчикам, сколько бы им ни было сегодня лет.

Будьте счастливы, товарищи, и помните и берегите все то, драгоценное и доброе, чему научила нас молодая советская школа, чем было озарено наше детство, небогатое, несытое и ненарядное, но по-настоящему счастливое и яркое.

С Новым годом, друзья мои!

*Маргарита Алигер
Москва»*

«Меня спрашивают: чем ты обязан своему родному городу? Что тебе хотелось бы сказать об этом?

Я и сам часто об этом думаю. И вот что мне хочется сказать.

– Недаром так охотно описывают наш город. Почему бы это? Не потому ли, что несмотря на обширность и многолюдность, всюду на его улицах чувствуется обаяние природы, природы Черноморья. То и дело вдруг среди улицы повеет морским ветерком, то пахнет степью, дымком и зреющими помидорами... А море! То тут, то там в ровной перспективе улицы, играющей на солнце цветовыми пятнами, вдруг сверкнет еще и эта восхитительная синева моря с ярко белеющим на горизонте парусом!..

Вот мы и росли в этом большом красивом городе, издавна прославленном своею любовью к архитектуре, музыке, поэзии; бежали мы, мальчуганы, и никогда не чувствовали себя сдавленными камнем, оглушенными шумом, обездоленными теплом и солнцем. И наверно, эта близость к морю, к степи, к солнцу воспитывала нас не меньше родительских наставлений и книг, открывала наши души для всего красивого и доброго.

Каждый из нас должен благодарить за это свою молодость, за то, что, наша юность сплелась с необыкновенными впечатлениями первых лет революции. Переменам не было конца – и все это ощущалось нами как чудесное шествие жизни к еще более радостному, справедливому миру. Для кого это делалось? Для нас. Кто должен помогать этому? Кто же, если не мы сами! Ведь что

ни говори, а молодым душам очень свойственно желание правды и справедливости...

Вот что я думаю о своей молодости. Вот за что я хочу благодарить тот город, в котором я родился и вырос. Так может чувствовать молодость всегда, и этого от души желаю молодым одесситам.

*Сергей Бондарин
Москва 22/ХII-64»*

А вот эта группа писем совсем без патетики, пафоса. Это частные, а потому и очень честные, искренние письма.

Живет в нашем городе один коллекционер, чья многолетняя страсть – шевченкиана. Я собирал поэзию XX века, книги XIX века меня не привлекали. Так и произошел этот обмен: я ему книги, он мне – три письма. Но какие письма! Мой друг был родственником Веры Пановой, после ее смерти собрался за рубеж ее муж, человек, легендарный для Ленинграда, Давид Дар, он был писателем, вел литстудию, был одним из первых правозащитников до появления правозащитного движения. Увозить в то время даже свои бумаги было строго-настрого запрещено, вот Давид Яковлевич и раздал близким людям переписку, авось настанет время, когда все это можно будет опубликовать.

Настало такое время. Объясню лишь, кто адресаты Дара. Это журналистка, правозащитница Фрида Абрамовна Вигдорова, которая на суде над Бродским сумела записать все судилище слово в слово, это Лидия Корнеевна Чуковская, дочь Корнея Ивановича. Автор не только повестей, но и бесценных записок об Анне Ахматовой. И наконец, сам Корней Иванович Чуковский, который в представлении не нуждается, и все же напомним лишь, что для нас, одесситов, он свой, ведь именно здесь он учился, здесь стал журналистом, здесь сложились его либеральные взгляды, за что его ненавидел Ленин, публикуя его фамилию с маленькой буквы, – «всякие чуковские», а затем Крупская, запрещавшая издавать его детские сказки.

«Уважаемый Давид Яковлевич, мы незнакомы с Вами, но все, что я о Вас знаю, позволяет мне написать это письмо.

Дело в том, что я прочитала в «Вечернем Ленинграде» статью об Иосифе Бродском. Можно ровно ничего не знать о людях, о которых пишет газета, но все равно видно: неправда.

Сегодня я знаю гораздо больше, чем неделю назад. Знаю и о том, что Вы предприняли шаги для того, чтобы установить истину.

Завтра я пойду в Гослитиздат, к Косолапову, (который уже рас-торг с Бродским договор), нынче мы с Лидией Корнеевной Чуковской отправляем письмо Игорю Сергеевичу Черноуцану в ЦК.

Видимо, Вам на всякий случай надо знать об этом. Если Вы считаете, что москвичи могут быть полезны еще чем-нибудь, пожалуйста, напишите мне.

*С искренним уважением
Ф. Вигдорова
8 декабря 1963 г.
Москва»*

«24/VI 67

Пиво-Воды

Дорогой Давид Яковлевич.

Я счастливее Вас – у меня есть твердо укоренившаяся привычка не читать газет. Из съездовских речей я прочитала одну: Шолохова. На этот раз он выступает не против соблюдения законов – как на XXIII съезде партии, – а против творческой свободы.

Его образ приобрел последнюю законченность. Я рада.

Съезд не был пустым благодаря незримому присутствию Солженицына.

Вы к нему несправедливы. Его письмо – письмо судьи, а не жертвы; и если он перечисляет там безобразия, творимые над ним, то это список злодейств, перечисляемых не жертвой, а обвинителем... Я никогда не видела человека более власть имущего, менее жалующегося. Он всегда победителен, силен, энергичен, светел. Удивительный человек. А письмо его – шедевр, который войдет в историю литературы и не литературы.

Мы до него дожили.

Дожили до повести Солженицына, до его романа... Умирать можно спокойно. Значит, ничто не погибло, и все будет хорошо.

Только не с ним. И вот эта мысль меня терзает.

Пришлите мне, пожалуйста, Ваше письмо целиком. Очень хочу прочитать. Читали ли Вы Владимирова, Конецкого?

Я чувствую себя не худо, т. е. не очень худо. Работать могу и немного гулять, вот С. Э. Вам расскажет. Вчера кончила I том Записок об Анне Ахматовой 1938-1941. Даю перепечатывать.

Когда все будет готово, подумаю, как ознакомить Вас.

Вере Федоровне кроме привета передайте, пожалуйста, что у меня спазм сосудов мозга был три раза; первый был очень силен, я лежала 2½ месяца. Но проходит это бесследно.

Профилактика:

1) нельзя работать много часов без перерыва; надо заставлять себя делать перерыв *р а н ь ш е*, чем устанешь.

2) Необходимо постоянно заботиться о притоке кислорода; зимою каждый час сильно проветривать комнату.

А сейчас самое главное – подольше не пробовать писать. Тогда все восстановится скорее.

К. И. поправился и к 1-му вернется домой.

Будьте здоровы и бодры. Ваша Л. Чуковская»

«Дорогой Давид Яковлевич,

Отличная книга. До сих пор я – по своей темноте – не понимал человека и не любил его. Помню, мой друг, скромнейший и тишайший Як. Исидор. Перельман, «брат Осипа Дымова», показывал мне письма Ц-го (Циолковского. – Е. Г.), полученные из Калуги, я разглядывал их только из вежливости. Да и стиль был в них какой-то корявый.

Кроме того, я уже незадолго до его смерти причислил его к лику тех лжеученых, которых расплодилось так много в нездоровой среде наших полуученых: Мичурин, Ольга Лепешинская, Лысенко и другие, вплоть до того, который заставлял пациентов пить чуть ли не ведрами женскую мочу. Я западник. Никакой специально-русской физики или русской физики не признаю.

И вдруг – такая душевная, глубоко прочувствованная поэтичная книга. Одна из лучших Ваших книг. Вы умудрились сделать ее героями не только милого глухого Циолковского (этот портрет

удался Вам блистательно), но и его сочинения. Каждое новое произведение Ц-го – для читателя Вашей книги живой персонаж. Биография каждого из этих персонажей делает Вашу книгу познавательной – и потому драгоценной для каждого подростка 15-17 лет. Спасибо за книгу и за дорогую для меня надпись на ней. Рисунки Н. Кузнецова придали книге особое очарование.

Самый почтительный привет Вере Федоровне.

Со мной недавно случилась забавная беда. Некая врачиха подарила мне новое лекарство от бессонницы – и сказала, что нужно принять $\frac{1}{8}$ облатки, а я принял $\frac{8}{8}$ этой облатки и дней 10 был бессловесным и безмозглым животным. На 10-й день я вообразил себя как бы здоровым и написал несколько писем – в том числе В. Ф-не. Потом оказалось, что все это – брак, ибо мозги мои все еще были отравлены.

Поэтому, изорвав письмо в клочья, целую руку у дорогой Веры Федоровны, обнимаю Вас.

К. Чуковский
4 III 66»

Хочу включить в эту первую часть писем-автографов еще один человеческий документ. Зная, что я увлекаюсь русским футуризмом, что был знаком с жившей в Одессе племянницей Алексея Елисеевича Крученых – Ольгой Федоровной, что публиковал ее рассказ о поездке в Москву и удивительную фотографию, на которой вместе А. Довженко, Ю. Солнцева и А. Крученых, Евгений Отарович Лукашев однажды подарил мне связку писем к Ольге Федоровне от ее друзей, в основном написанных в годы войны. Имя Алексея Елисеевича там изредка упоминается вскользь. Но в этой пачке нашлось письмо и из Москвы от Ольги Сетницкой, соседки А.Е. Крученых по дому, где она подробно рассказывает о последних днях своего соседа, о его похоронах. Это как бы некролог последнему русскому футуристу.

Короткий комментарий к письму. Упомянутый молодой человек, приехавший из Одессы, – это Александр Розенбойм, и об этом он тоже не раз рассказывал друзьям.

«Дорогая Ольга Федоровна!

Получила Ваше письмо от 24-го. Конечно, жаль, что Вы не смогли приехать, но ничего не поделаешь, и это ничему не помогло

бы. На похоронах я мало что соображала, но слышала, что кто-то говорил, что какой-то молодой человек приехал из Одессы. Завтра справлюсь у соседей А. Е. Думаю, что Вам нет оснований беспокоиться о сыне, может быть, он познакомился с кем-нибудь из знакомых А. Е. Я уверена, что с ним все в порядке. Спасибо Вам за хорошее письмо. Напишу Вам обо всем, т. к. Вам все дорого, что касается А. Е. С этой осени он стал слабеть, стала кружиться голова, поэтому трудно выходить на улицу. Зимой ему пришлось получить новый паспорт взамен утерянного – понадобился для получения пенсии с 1 января. 23 мая он, вероятно, уснул на полу, и когда проснулся, ему показалось, что он в холодной ванне, позвал соседей. После этого они вызвали докторов, терапевта, невропатолога, взяли анализ крови. Терапевт прописал сердечные лекарства. Невропатолог не нашел ничего, кроме старости, склероза. Вечером 25 меня поразили его обметанные губы, но температуры не оказалось. Соседка звонила в Литфонд, договорилась, чтобы ему дали путевку в дом творчества, что вызвало новые волнения – в чем ехать, кто будет обслуживать, как вырвать его из привычной среды и т. п. Он был против поездки, т. к. был слишком слаб. Соседка из квартиры напротив весь последний месяц готовила для А. Е. еду, она тоже говорила, что ему будет трудно в доме творчества. 15-го в субботу вечером я пришла к А. Е. Он встал, мы прошли на кухню. Вид был очень больной и дыхание тяжелое, но говорил он все вполне разумно, как всегда. Когда пришла Вероника, соседка, она тоже сказала, что он плох. Мы решили вызвать неотложку. Врач из неотложки сделал укол и вызвал скорую. Скорая увезла А. Е. в ин-т Склифосовского, т. к. там лучше, чем в другой больнице. В воскресенье я приехала в больницу, меня сразу пропустили к нему. Вид был лучше, дыхание спокойнее, только глаза отсутствующие, ушедшие. Он понимал свое состояние и как бы прощался, говорил «были хорошие страницы». Но рассуждал вполне разумно, пообедал, поел клубники и был бодрее вчерашнего, так что я сказала, что мы еще посидим с ним в садике. Что с ним – сказать никто не мог, т. к. было воскресенье. Я побыла часа два с половиной, он уснул, и я уехала. На следующий день к 12 часам я была в больнице. Он был без сознания, дыхание хриплое. Врач сказал, что очень неладно с легкими, организм слаб и не мо-

жет сопротивляться, дело очень серьезное, оставаться мне незачем, т. к. он ничего не сознает. Я уехала на работу, а около 4-х мне позвонил врач... – Литфонд все организовал, сосед Андрей везде звонил и много беспокоился, чтобы все было, как следует. Было объявление в Вечерней Москве. На похоронах было много народу, большинство я не знаю, были мои близкие подруги, знавшие и чтившие А. Е. Был писатель Харджиев, поэт Глазков, поэт Слуцкий, Либединская, Лиля Юрьевна Брик с мужем, поэт Вознесенский, который, можно сказать, является его поэтическим внуком, служащие музея Маяковского и лит. архива (ЦГАЛИ). Не меньше 50 человек. Масса была цветов. Говорил речь Слуцкий и еще двое. Пришли все, кто любили его, не по обязанности, а по сердцу. Причина смерти – воспаление легких с отеком. По-видимому, он не отдавал себе отчета, что болен, или же не хотел ни за что попасть в больницу. Заметить же, что у него неладно с легкими, – было нельзя. Еще 14-го июня он весь день провел в квартире у соседки, сидел на балконе, был в хорошем настроении и ни на что не жаловался. Во всяком случае, можно сказать одно – он всю жизнь прожил по-своему и был самим собой – ни от кого не зависел. Поэтому он так не хотел вмешательства в его привычки; как Вы верно сказали – он был горд. Это – большое достоинство. Когда он понял, что сам не может больше себя обслуживать – подошла болезнь. – Ужасно было думать, как бы он жил беспомощный в своей комнате, не допуская никого к себе. Почти целый месяц эти мысли не давали мне уснуть. Тут никакой Союз писателей не мог бы помочь и никакая сиделка, т. к. он просто не допускал мысли, что кто-то может быть кроме него в его комнате. Как ни печален его конец – все-таки есть утешение – он не долго мучился и остался верен себе до конца. Последние 3-4 года в его жизни было много радостного – включение его стихотворения в антологию русской поэзии на французском языке, статьи в польской и итальянской газетах, встречи с чехами, с польскими, итальянскими, английскими журналистами, уважающими его, издание на чешском языке книги о Хлебникове с факсимиле листов его книг 1912-14 гг. В «Зеленой лампе» Л. Либединской есть о нем. В газете «Моск. комсомолец» за тот год – его материалам в архиве посвящена целая страница. В журнале, кажется, «Наука и знание» тоже

было о его коллекциях – альбомах. В ЦГАЛИ его голос записали на магнитофон – лекцию. Последний раз он выступал осенью 1966 г. в клубе строителей, разошелся, говорил два часа. После этого стало болеть горло – Если у меня будут копии его стихов, постараюсь прислать Вам. – Что касается его книг и бумаг – то по всей вероятности будет комиссия от Союза писателей. Сам А. Е. был совершенно безразличен к судьбе своих сокровищ. Деньги у него были, т. к. он получал в архиве за свои материалы, затем литфонд раз в год помогал, и от Вас, как он говорил, свалились на него деньги, тратил очень мало (Все осталось на книжках и пошло государству). Греточке я написала, т. к. была не уверена в Вашем адресе, Вы собирались переезжать, кажется. – Не верится, что А. Е. нет, очень без него пусто. Если случится быть в Москве – позвоните мне на работу 4-6.59-53. До свидания.

*Ольга.
27/VI – 68»*

Несколько писем и книг с автографами подарила мне дочь известного одесского историка Якова Мироновича Штеренштейна – Саша. В годы войны ее отец служил в той же фронтовой газете, что и Илья Сельвинский. У него сохранились военные листовки со стихотворениями поэта. И поэтому, когда уже после войны Яков Миронович стал автором книги об истории одесского порта, воспоминаний о войне, он решил разыскать адрес Сельвинского. Помогло ему то, что в газете он прочитал статью Павла Антокольского об Илье Сельвинском. И написал письмо Антокольскому не только с просьбой об адресе, но и с критикой статьи.

Люди в те времена были вежливыми. Антокольский тут же отозвался. А затем началась переписка Я.М. Штеренштейна с И.Л. Сельвинским.

Вот два письма и открытка в Одессу.

«Уважаемый Яков Миронович!

Прежде всего сообщаю Вам адрес Ильи Львовича Сельвинского: Москва В-17 Лаврушинский пер. дом 17 кв. 44.

Он сейчас, к сожалению, тяжело болен, у него – инфаркт, но я думаю, тем более ему доставит радость получить письмо от боевого товарища.

Спасибо Вам за книгу и за добрые слова!

Вы удивлены тем, что в моей короткой статье ничего не сказано о личной доблести офицера Сельвинского в годы Отечественной войны. Ведь газетная статья это очень ограниченная жилплощадь! Дай бог уместиться в ней главному, а главное в день шестидесятилетия поэта и писателя – это его творческая дорога, его произведения, а не он сам. Кроме того, мне – человеку, который не был непосредственным свидетелем армейской жизни товарища, как-то неудобно с чужих слов касаться этого предмета.

Зато на вечере у нас в Союзе такому воспоминанию посвятил всю свою речь один из выступавших, критик В.Ц. Гофеншефер: он как раз рассказывал о Керченском эпизоде, о том, как родилось стихотворение «Я это видел». Вы должны знать Гофеншефера – видимо, он тоже был сотрудником газеты, которую Вы редактировали.

От всей души желаю Вам здоровья и благополучия

*уважающий Вас
Павел Антокольский
20 января 1960»*

«Переделкино

20.VIII.60

Дорогой Яков Миронович!

Ваше письмо, датированное 28 июля, пришло ко мне... 19 августа. Что за чудеса? Вероятно, Вы по рассеянности пронесли его в кармане целый месяц. М. б. по той же рассеянности забыли прислать мне книжку, о которой говорите в письме.

Горячо благодарю Вас за листовку с моим стихотворением «Я это видел». Листовка эта находится в Литературном музее, но у меня ее нет; есть другая, но гораздо меньшего формата. Не говоря уже о том, насколько дорога мне листовка, как память о Крымском фронте, меня очень умилило то, что Вы сохраняли ее столько времени! Да, действительно – о психологии читателя нужно было бы написать целое исследование – оно читалось бы как роман.

О здоровье своем ничего хорошего сказать не могу. Вы правильно подметили, что меня трудно представить в статике. А вот приходится быть статичным. Живу на даче круглый год. Как

в медвежьем углу, и если бы не телевизор и письма читателей – я бы очень быстро озверел.

Благодарю Вас за Ваше письмо и в этой связи и вообще – Ваш

Илья Сельвинский.

Одесса 20

Ул. 1905 года д. № 31 кв. 21

Я.М. Штеренштейну»

«Моск. обл.

п/о Чоботы

«Городок писателей»

И. Сельвинский

Привет фронтовому товарищу!

Пусть этот год будет для Вас самым счастливым в жизни

(чего на свете не бывает?)

Сердечно Ваш

Илья Сельвинский»

В следующих подборках я опубликую письма, приходившие непосредственно ко мне в редакции, – в связи с изданием и «Венка Ахматовой», и «Венка Пастернаку». Письма художников, а также связанные с возможностью опубликовать в Одессе свои стихи – от Овсея Дриза, Генриха Сапгира до Константина Ваншенкина, Льва Озерова, Александра Яшина, Всеволода Азарова. И, конечно, переписка с рядом старейших писателей, чьи воспоминания представляли интерес для меня и для газеты.

Есть рукописи стихов. Но это в следующий раз.

Продолжение следует

